

Содержание

Любовь Шендерова-Фок

От составителя

7

Александр Андреев

Об авторе этих воспоминаний

11

ОЛЬГА ЧЕРНОВА-АНДРЕЕВА

Холодная весна

Часть I.	Москва, 1919–1920	19
Часть II.	Детство. Годы изгнания	37
Часть III.	Возвращение в Россию	83
Часть IV.	Переворот	103
Часть V.	Скитания по России	111
Часть VI.	Дача в лесу	129
Часть VII.	Лубянка	145
Часть VIII.	Засада	175
Часть IX.	В Башкирию	191

Часть X.	Второй арест	205
Часть XI.	Отель “Националь”	225
Часть XII.	У Пешковой	241
Часть XIII.	Дом в Серебряном Бору	253
Часть XIV.	Последние дни в России	265

Ярослав Леонтьев

“Места в жизни эсерам не нашлось...”

271

Примечания

297

Библиография

361

Благодарности составителя

365

От составителя

Предлагаемые читателю мемуары Ольги Черновой-Андреевой “Холодная весна” на русском языке в наиболее полной версии публикуются впервые.

Воспоминания Ольги Викторовны относятся к периоду 1907–1921 годов: раннее детство и отрочество, жизнь вместе с сестрами, братом и родителями — политическими изгнанниками — матерью Ольгой Елисеевной Колбасиной-Черновой и отчимом, лидером партии эсеров Виктором Михайловичем Черновым в первой эмиграции в Финляндии, Франции и Италии, возвращение с семьей в Россию после Февральской революции, скитания по России и долгое пребывание на нелегальном положении после разгона Учредительного собрания, арест и освобождение из большевистских тюрем, а затем окончательная эмиграция на Запад.

Воспоминания были написаны в середине 1970-х годов, и об их издании в СССР в то время не могло быть и речи — точный и полный живописных подробностей и личного отношения текст об эсерах, эмиграции, разгоне Учредительного собрания, о совсем не идеальных большевиках, о допросах в ЧК, заключении на Лубянке и в Бутырской тюрьме, при советской власти не имел никаких шансов получить разрешение на публикацию. Однако эти мемуары хотя и частично, но все-таки увидели своего русскоязычного читателя — небольшие фрагменты были напечатаны в 1975–1976 годах в эмигрантском “Новом журнале”, выходившем в Нью-Йорке, и уже не так давно — в 2001-м в России в журнале “Звезда”. Полный текст был опубликован только по-английски под названием *Cold Spring in Russia* в издательстве *Ardis (Ann Arbor, Michigan)* в 1978 году, в переводе внука автора Майкла Карлайла, за год до смерти самой О.В. Черновой-Андреевой. Долгое время считалось, что полный русский текст воспоминаний утерян, но совсем недавно в архивах родственников автора и в Университете Лидса (Великобритания) нашлось даже несколько вариантов русского текста, на основе которых и составлена настоящая версия. По сравнению с исходными вариантами некоторые главы переставлены местами, чтобы порядок повествования был, насколько это возможно, хронологическим — так, как это было сделано в английском издании, вышедшем еще при жизни

автора и получившем ее одобрение. Для удобства чтения текст разбит на части в соответствии с английским изданием. Русский текст последних трех глав, к сожалению, все-таки утерян и публикуется в обратном переводе с английского языка. В книгу также включены краткие воспоминания об О.В. Черновой-Андреевой ее сына Александра Вадимовича Андреева. Текст воспоминаний приводится в соответствии с современными нормами русского языка.

Мемуары О.В. Черновой-Андреевой замечательны и по точности деталей, и по трезвости оценок событий, происходивших во время навсегда изменившего Россию исторического перелома. В предисловии американского писателя Артура Миллера к американскому изданию “Холодной весны” говорится: “В своей автобиографии Ольге Черновой-Андреевой удалось сочетать устоявшиеся представления со своим собственным опытом революции. Она насыщена информацией и при этом поражает своей эмоциональной напряженностью. Благодаря этому противоречивость подобного катаклизма — с его надеждами и ужасающим количеством жертв, благородством и мерзостью — предстает как единый поток впечатлений, который создает яркое ощущение жизни”^{*}.

Но едва ли не в такой же мере, как и сам текст воспоминаний, поражает и то, что осталось за рамками написанного, — судьбы тех, кто упоминается в книге даже мельком, от высших руководителей движений и партий до самых обычных людей. К написанному самой О.В. Черновой-Андреевой тексту добавлены примечания — в основном краткие биографии упоминаемых в тексте персонажей. То, как сложились судьбы большевиков и эсеров, потрясает. Революция — это больше, чем Молох, пожирающий собственных детей, она погубила и тех, кто ее породил, только такое сравнение и может прийти на ум просвещенному читателю. Приезжавшие в гостеприимный дом Черновых в Алассио народовольцы и эсеры — политические эмигранты, члены боевой организации, считавшиеся героями, бежавшие из царских тюрем, при советской власти почти все расстреляны, погублены, в лучшем случае высланы из страны. Столь же страшная судьба будет ждать даже самых высокопоставленных большевиков, так вдохновенно боровшихся со своими политическими противниками, — пройдет совсем немного времени, и из них не уцелеет практически никто, а их имена будут стерты из энциклопедий и справочников. Законно созванное конституционное совещание — Всероссийское Учредительное собрание, призван-

^{*} Полный текст предисловия Артура Миллера в переводе А.В. Андреева см.: “Звезда”. 2001. № 8. *Здесь и далее — прим. Л. Шендерович-Фок при участии Я. Леонтьева.*

ное после Февральской революции определить судьбу страны, — грубо и насильственно разогнано; сам В.М. Чернов, избранный его председателем, едва уцелеет и будет вынужден нелегально уехать из страны навсегда, а его детей и жену бросят в тюрьму и будут держать как заложников. О.В. Черновой-Андреевой, ее матери и сестрам удалось покинуть Россию и спастись, но ценой потери родины, на которую они когда-то так мечтали вернуться.

Артур Миллер в своем предисловии пишет: “Было бы неправильно счесть книгу Ольги Черновой-Андреевой пристрастной, ибо каждое лицо, с которым она встречается, видится свежим взглядом и оценивается справедливо. Эта книга — своего рода отчет, какой написать могла только женщина. Автор находится в некоей точке, где волшебная палочка великих событий прикасается к человеческой плоти, обжигая, причиняя боль и оставляя шрамы.

Всегда именно женщинам выпадает доля продолжать ту жизнь, которая еще остается после таких катаклизмов, и им дается возможность видеть человеческую суетность глазами генов, мельчайших частиц живой материи, тех пылинок, в которых живет Бог и отделяет ложь от правды.

В данном случае взгляд удивительно художественен: валы приливов, спокойные промежутки размышлений о прошлом, тяжелое присутствие значительных персонажей и их исчезновение, — без всякого сомнения, такой была ее жизнь в те страшные годы. И то, что автор сумела придать такую форму своему повествованию, является литературным достижением в гораздо большей степени, чем просто подвигом памяти после почти полувекового пробела. Так что наконец-то достигнуто трансцендентное качество, где горечь политических поражений и утраченный шанс больше не сковывают эмоций: трагическая тишина, горе за пределами печали, своего рода широта, которая может объять даже противника, скрепляют всё вместе. Мне кажется, что эта книга станет частью нашей летописи и на долго в ней останется”.

Любовь Шендерова-Фок

Об авторе этих воспоминаний*

Ольга Викторовна Чернова-Андреева родилась в Одессе в 1903 году. Ее отец, художник Митрофан Семенович Федоров, преподавал в Императорской Академии художеств. Отец Ольги Викторовны, ее сестры-близнеца Натальи и старшего брата Вадима (рано скончавшегося от туберкулеза в Италии) разошелся с их матерью вскоре после рождения девочек.

Мать О.В., Ольга Елисеевна Колбасина, в то время уже активно занималась революционной деятельностью и вскоре вторично вышла замуж за Виктора Михайловича Чернова, лидера и идеолога партии эсеров. Он удочерил детей Ольги Елисеевны. Память о родном отце туманно, но настойчиво присутствовала в сознании детей. Ольга Викторовна никогда его больше не видела, но однажды в семь-восемь лет, играя в саду в Алассио (Италия), она почувствовала чье-то сильное присутствие и взгляд на себе. В ней родилась уверенность, что это был ее отец. В 1930-е годы они обменялись несколькими письмами. М. Федоров погиб во время блокады Ленинграда от прямого попадания бомбы в его дом.

Ольга Колбасина была дочерью сельского аристократа Елисея Колбасина, писателя, публициста, друга Тургенева. Он считается прототипом Павла Петровича Кирсанова в романе "Отцы и дети". Старший брат Ольги Елисеевны (от первого брака ее матери) Василий Иванович Сухомлин еще до начала века был революционером. Он был приговорен к смерти, помилован на эшафоте и сослан в тогдашний "ТУЛАГ". Для Ольги Елисеевны верность революционным идеалам, свержение самодержавия, установление равенства и демократии стали целью всей жизни. Политические идеалы ставились ею выше всего, зачастую в ущерб собственным интересам и семейному счастью.

Несколько слов о жизни Ольги Викторовны Черновой-Андреевой после того, как она со своими сестрами и матерью покинула Россию.

Через Эстонию и Берлин они приехали в Париж. Там уже обосновалась большая русская колония, состоявшая в основном из "бе-

* Предисловие к публикации фрагмента воспоминаний в 2001 г. в журнале "Звезда".

лых”, но и меньшевиков, социалистов, кадетов... Все мечтали о быстром свержении большевиков и возвращении в Россию. Однако в ожидании этих событий предстояло устраивать жизнь на месте.

Ольга и Наташа хорошо рисовали. Они мечтали стать художниками. Но необходимо было содержать семью: мать, младшую сестру Ариадну и себя. Виктор Чернов к этому времени уже разошелся с женой. Девочек устроили на работу к знаменитому модельеру Ланвен в качестве зарисовщиц. Они выполняли то, что в наше время делает телевизионная камера и фотоаппарат: во время просмотradeфиле они должны были за несколько секунд изобразить на бумаге общий вид и мельчайшие детали моделей. Несмотря на то, что близнецы впоследствии вспоминали веселые стороны работы у великого модельера, они всегда считали, что этот период вынужденного прикладного искусства “сломал их руку”. Потом они долго искали свой собственный язык и путь в живопись. Сразу после России, в Эстонии, О.В. занималась под руководством Архипенко, затем до войны в школе Гранд-Шомьер в Париже и в 1950-е годы в Арт Студентс Лиг в Нью-Йорке под руководством Бартлетта.

В Париже в начале 1920-х годов кипела творческая жизнь. Здесь обосновались крупные русские писатели, поэты, философы, музыканты, артисты. Этот исключительно живой, интеллектуально насыщенный период многократно и подробно описывался в воспоминаниях современников. Черновы находились в центре всех событий. Они близко дружили с Мариной Цветаевой, некоторое время она у них жила. В круг их ближайших друзей входили и Ремизовы.

В 1926-м Ольга Викторовна вышла замуж за Вадима Андреева, молодого поэта, старшего сына Леонида Николаевича Андреева. Ранняя биография Вадима Леонидовича известна русскому читателю по его автобиографическим книгам “Детство” и “История одного путешествия”, напечатанным в СССР в 1960-х годах.

Парижская жизнь была радостной — несмотря на материальные трудности. Литературные вечера, чтение произведений, философские споры, издание книг, журналов, газет, вся эта творческая жизнь способствовала интеллектуальному общению. Ольга Елисеевна была центром очень теплого и дружного семейного круга. Сестры Черновы вышли замуж за троих друзей. У О.В. в 1930-м родилась дочь Ольга, а в 1937 году — сын Александр.

Уже начиная с 1930-х В.Л. стал предпринимать шаги с целью возвращения в Россию. Слава Богу, этого не произошло. Первая попытка делалась через его родного брата, Даниила Леонидовича, единственного из детей Леонида Андреева, оставшегося в России. В.Л. просил брата через М. Горького, своего крестного отца, выхлопотать разрешение у Сталина! Но Горький к этому времени

окончательно “заболел”. О.В., не меньше мужа любившая Россию, всегда тормозила его рвение и до, и после войны. Этим она, несомненно, спасла жизнь своей семье. Надо сказать, что она была человеком далеко не ординарным. Во-первых, она была универсально образованна. Говорила по-итальянски, как на родном языке, очень хорошо по-французски и, живя в Америке, неплохо выучила английский. Италия ее детства, мир Данте, Пушкина, Атлантический океан и поэзия Дилана Томаса* для нее были частями единого целого. Так же, как Евангелие, книги Кьеркегора и Бердяева. Интересно отметить в этой связи, что О.В. и ее сестра Наташа были верующими православными, что на фоне их семьи являлось своего рода диссидентством. Трудно объяснить, возникла ли эта вера под влиянием воспитавшей их няни или же была реакцией на атеизм, унаследованный от нескольких поколений социалистов, посвятивших всю свою жизнь политическим идеям и целям. А может быть, это был просто их собственный, сознательно избранный путь к самопознанию? Во всяком случае, христианство О.В. было щедрым, жизнерадостным, веселым, близким св. Франциску Ассизскому. Идеи Ганди, т. е. отказ от насилия в любом его проявлении, были ей также очень близки. При всей своей мягкости и кротости она была невероятно храброй и мужественной. Во время немецкой оккупации, когда В.Л. был арестован и задержан в лагере, немцы пришли с обыском в дом, который Андреевы снимали во время войны на острове Олерон во Франции. Стоя перед запертым шкафом, где хранилось оружие, О.В. попросила сына принести топор и спокойно сказала солдату по-немецки: “Неужели вам не жалко портить такую красивую старинную мебель?” Немец пожал плечами и перешел к комоду**. Такое же бесстрашие проявилось и во время ее допроса чекистом Лацисом на Лубянке, как это описано в этой книге.

После войны вместе с несколькими тысячами русских самого разного происхождения В.Л. “попался на удочку” сталинской “амнистии” — предоставления эмигрантам советского паспорта как первого шага к возвращению в Россию. Это, безусловно, трудно понять русскому читателю: как могли умные, трезвые люди, располагающие всеми сведениями о страшных 1930-х годах, поверить, что все настолько изменилось и что они едут в Рай? Тут сочетались несколько элементов: победа над Гитлером (“совместная победа” для

* Дилан Томас (1914–1953) — известный валлийский поэт.

** Эта история подробно описана в книге воспоминаний дочери автора Ольги Андреевой-Карлайл “Остров на всю жизнь”. М.: Редакция Елены Шубиной, 2021.

участников французского Сопротивления, в котором состоял В.Л.), но и мучительное стремление — домой, в свою страну, в мир русского языка... Все это на фоне мощнейшей советской и французско-коммунистической пропаганды. Между теми, кто сделал этот выбор, и другими образовался болезненный раскол. О.В. и на этот раз притормозила возвращение в Россию. Дочь Ольга была с нею солидарна.

По иронии судьбы, благодаря советскому паспорту, В.Л. смог поступить на работу в ООН (в 1949 году) и с семьей уехал в Нью-Йорк. О.В., будучи супругой сотрудника международной организации, не имела права работать в Америке. Круг их друзей в условиях холодной войны был довольно узким, но многие бесстрашные американцы дружили с Андреевыми, несмотря на “маккартизм”. О.В. вернулась к живописи, время от времени делала литературные переводы (Ремизов, Пастернак).

В 1957-м, впервые после десятилетий, Андреевы поехали в Советский Союз. После почти сорокалетней разлуки Вадим наконец встретился со своим родным братом Даниилом. Он имел возможность полностью оценить его талант, значение и величину как поэта. В.Л. возобновил связь с другом отца, Корнеем Чуковским, нежно полюбившим Ольгу Викторовну. Корней Иванович обещал “пробить” книгу Вадима “Детство”. Это ему удалось, и повесть была издана в Москве в 1963 году.

Андреевы бывали у Б.Л. Пастернака, с которым Вадим встречался еще в “русском Берлине”. Пастернак попросил их вывезти на Запад рукопись романа “Доктор Живаго” на случай, если передача через итальянский канал не сработает. За два месяца пребывания в России они познакомились и подружились со многими писателями и художниками. Ольге Викторовне удалось найти в Ленинграде родственников и друзей своего родного отца, Митрофана Федорова.

В 1959-м Андреевы переехали из Нью-Йорка в Женеву, где В.Л. продолжал работать в ООН до пенсии. Их жизнь была беззаботной: природа, горы, лыжи в спокойной Швейцарии. Возможность заниматься литературой и живописью, частое общение с детьми и внуками, поездки на юг Франции, в Париж, в Италию. Были и регулярные путешествия в Россию — каждые полтора-два года.

Эти поездки стали своего рода утешением для В.Л. за то, что он так и не реализовал свою мечту вернуться на Родину. Не хотелось расставаться с детьми и их семьями на Западе. В Женеве были хорошие условия как для жизни, так и для творческой работы. Зато каждый визит в Россию был чрезвычайно интересным. Их любил и буквально “носили на руках”. Круг их друзей постоянно расширялся. Они тесно сблизились с неофициальным миром литературы

и искусства, с инакомыслящими. У Н.Я. Мандельштам они познакомились с Солженицыным, по просьбе которого вывезли за границу его рукописи. В 1968 году сын Андреевых вывез на Запад микрофильм "Архипелаг ГУЛАГ".

После смерти мужа в 1975-м Ольга Викторовна Чернова-Андреева переехала к сестре Н.В. Резниковой в Париж. Она умерла в 1979 году и похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Александр Андреев,
сын О.В. Черновой-Андреевой